

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
3 November 2020
Russian
Original: English

Семьдесят пятая сессия

Пункт 75 повестки дня

Доклад Международного уголовного суда

Записка Председателя Генеральной Ассамблеи

Имею честь распространить текст сделанного Председателем Международного уголовного суда предварительно записанного заявления (см. приложение), которое было воспроизведено в ходе 18-го пленарного заседания семьдесят пятой сессии Генеральной Ассамблеи, состоявшегося 2 ноября 2020 года, в соответствии с решением 75/506 Ассамблеи от 13 октября 2020 года.

Приложение

[Подлинный текст на английском/французском языках]

Судья Эбоу-Осуджи (Председатель Международного уголовного суда): Как всегда, для меня большая честь выступать перед Генеральной Ассамблеей. Это уже третье мое выступление перед членами Ассамблеи в качестве Председателя Международного уголовного суда (МУС).

К сожалению, это также мое последнее выступление. Я сожалею, что не могу приехать лично из-за пандемии коронавирусного заболевания. Однако это ни в коей мере не умаляет важности события. Суд особенно признателен за возможность проинформировать международное сообщество о нашем вкладе в укрепление гуманности, и мы дорожим важными отношениями сотрудничества между Организацией Объединенных Наций и МУС.

Я не буду повторять здесь содержание или основные положения ежегодного доклада Суда Организации Объединенных Наций (см. [A/75/324](#) и [A/75/324/Corr.1](#)). Доклад уже является официальным документом Организации Объединенных Наций и находится в открытом доступе.

Это очень необычный год не только потому что пандемия поставила мир на колени, но и в положительном смысле: в анналах Организации Объединенных Наций была отмечена семьдесят пятая годовщина основания Организации. В своем заявлении по этому случаю я подчеркнул общие черты Организации Объединенных Наций и МУС с точки зрения исторической эволюции и духа приверженности той или иной миссии.

Я напомнил, что, хотя МУС и существует отдельно от Организации Объединенных Наций, мы являемся членами одной семьи. Эти тесные семейные узы формируются на основе нашей общей философии, опирающейся на многосторонний подход, которую Элеонора Рузвельт — первая леди Соединенных Штатов Америки в течение Второй мировой войны и поборница прав человека — выразила словами о том, что, хотя наши земли и наши флаги нельзя заменить ни на какие другие земли и флаги, мы можем объединиться с другими государствами под общим флагом и достичь чего-то хорошего для человечества, чего мы не можем достичь в одиночку.

Я напомнил, что необходимость в создании МУС и Организации Объединенных Наций возникла непосредственно из-за ужасов Второй мировой войны. Я напомнил о том, что, хотя создание МУС заняло гораздо больше времени, его основы были заложены еще в первые годы существования Организации Объединенных Наций в самой же Организации. Ранняя работа Комиссии международного права, проведенная по прямому поручению Генеральной Ассамблеи, имела решающее значение для закладки фундамента, на основе которого впоследствии был возведен Суд, когда влияние «холодной войны» ослабло в сфере мировых вопросов. Опять же, Организация Объединенных Наций выступила и в качестве спонсора, и в качестве глобального форума для возрождения проекта постоянного Международного уголовного суда, а также для проведения официальных переговоров, которые положили начало его созданию в 1998 году. Это максимально краткое изложение общей канвы истории.

Что касается общего духа миссии, то я напомнил, что в хорошо известном документе Организации Объединенных Наций, озаглавленном «Будущее, которого мы хотим» и одобренном Генеральной Ассамблеей в ее резолюции [66/288](#) от 27 июля 2012 года, сообщается, что люди во всем мире действительно хотят международного сотрудничества в целях построения мира, свободного от

насилия и конфликтов, в котором будут соблюдаться права всех людей. Это будущее, к достижению которого стремится МУС. Это будущее, которое обеспечивает привлечение к ответственности на основе верховенства права и справедливость в отношении жертв, способствуя тем самым предотвращению злодеяний, оскорбляющих совесть человечества. Но как МУС справляется с этим?

Я могу заверить Ассамблею в том, что МУС хорошо проявил себя. Здесь история выходит за рамки простого подсчета того, сколько дел было рассмотрено судом, сколько вынесено обвинительных или оправдательных приговоров. Эта история должна включать более широкую картину, и правильный взгляд на эту картину на самом деле говорит нам об одном, а именно о том, что МУС эффективно содействовал ослаблению удушающей хватки тирании на горле нашей общей человечности. С момента создания МУС чуть ли не каждый день кто-нибудь в Суде получает электронное письмо от кого-то в мире с жалобой на возможно имевшую место несправедливость, от которой они страдают и от которой, как они надеются, Суд поможет им избавиться. К сожалению, некоторые сообщают о деяниях, которые не являются преступлениями, подпадающими под юрисдикцию МУС, или не проходят проверки серьезности утверждений, после которой Суд может запускать свои процессы. А некоторые из жалоб поступают от людей, которые не знают о том, что их страна не является государством — участником договора о создании МУС и что из-за этого МУС не может самостоятельно вмешаться в конкретную ситуацию без передачи ее на рассмотрение Совета Безопасности.

Но сам факт того, что эти люди обращаются к МУС с просьбой облегчить бремя ощущаемой ими несправедливости, говорит об их надежде — надежде на то, что где-то за границами их стран есть учреждение, где они могут добиваться правосудия, в котором им отказывают на родине. И это многое говорит о ценности МУС. Это говорит нам о том, что МУС действительно служит коллективной цели Организации Объединенных Наций, решительно поднимая флаг подотчетности путем обеспечения верховенства права и справедливости для жертв геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений и преступлений агрессии, тем самым внося свой вклад в их предотвращение. Защищая этот флаг подотчетности, МУС действительно помог ослабить власть тирании над человечеством.

Много лет назад, будучи обвинителем в Международном уголовном трибунале по Руанде (МУТР), рассматривавшем геноцид в Руанде, я занимался судебным преследованием бывшего мэра деревни в районе с местным самоуправлением вблизи Кигали. Он был обвинен в геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях. Обвиняемый, г-н Лоран Семанза, занимал должность мэра деревни более 29 лет, вплоть до геноцида в Руанде в 1994 году. А когда начался геноцид, он собрал и возглавил ополченцев «интерахамве» — печально известных вершителей геноцида в отношении тутси. В обществе с очень слабыми или вообще отсутствующими правовыми структурами жестокость и всемогущество мэра деревни привели к тому, что местное население оказалось беспомощным перед лицом его прихотей и капризов. За 29 лет пребывания его на посту мэра этой деревни многие молодые люди в его общине привыкли видеть в нем местного главаря, от которого зависели события в их жизни.

Вскоре после начала судебного разбирательства я не мог не заметить, как он по-прежнему психологически их контролировал. Мне пришлось приложить много усилий для того, чтобы побороть явный рефлекс некоторых из свидетелей, которые впадали в оцепенение, как только входили в зал суда и видели там г-на Семанзу. Некоторые из них даже говорили мне, что им трудно поверить в то, что он действительно предстал перед судом и должен отчитываться за свое

поведение, что он больше не контролирует их жизни, как раньше, и что теперь уже его судьбу своим справедливым решением определяют судьи международного уголовного трибунала, расположенного в другой стране, где у него нет никакой возможности утвердить свое исключительное влияние. Эти свидетели представляли многочисленных жителей сельских общин мира, где свет прожекторов всеобщего внимания не всегда достаточно ярок и не всегда позволяет всем увидеть, под каким гнетом они страдают. Международному уголовному трибуналу по Руанде, являющемуся временным международным механизмом, потребовалось убедить этих свидетелей в том, что хватку тирании в отношении их жизни, которую представлял бывший мэ, на самом деле позволил ослабить международный механизм привлечения к ответственности.

Цель МУС заключается в том, чтобы постоянно служить человечеству во всем мире, и этой же цели временно служил МУТР на благо Руанды. Как таковой он воплощает в себе обещание «никогда больше» не допускать злодеяний и грубых нарушений прав человека, которые подтверждают человеческую способность творить зло.

Однако было бы ошибкой считать это достижение постоянного инструмента подотчетности само собой разумеющимся и почивать на лаврах. Мы не должны недооценивать масштабность угроз, с которыми сталкивается МУС. Мы можем получить представление об их значимости, задав себе вопрос: можно ли было бы создать МУС сегодня, принимая во внимание геополитические условия в современном мире? И в этой связи мы должны помнить о том, что вооруженные конфликты — это наиболее типичная среда распространения всех тех преступлений, которые подпадают по юрисдикцию МУС. С вооруженными конфликтами обычно ассоциируются геноцид, преступления против человечности и, разумеется, военные преступления, как и, естественно, преступление агрессии.

Помня об этом, давайте подробнее рассмотрим конфликты, о которых мы читаем в сегодняшних мировых новостях, — в Сирии, Афганистане, Йемене, Ливии, Армении и Азербайджане, Демократической Республике Конго, Мали, Буркина-Фасо, а также в регионе бассейна озера Чад, который включает в себя Нигерию, Камерун, Чад и Нигер и в котором действуют повстанцы «Боко харам». Кроме того, мы могли бы подумать о конфликтах в Мьянме, Южном Судане, Сомали, Израиле и Палестине. Существует также много других конфликтов.

Смысл этого скромного перечисления конфликтных зон по всему миру состоит в том, чтобы продемонстрировать, что Совет Безопасности, к сожалению, не сумел договориться о том, чтобы высветить лучом прожектора независимых международных усилий по привлечению к ответственности даже самые опасные из этих конфликтов. Сейчас, когда вновь зашевелился уродливый призрак старой «холодной войны», подобные вопросы не задаются в силу инстинктивного стремления защитить своих подопечных. Между тем Африканский союз настаивает на том, что нельзя больше наводить луч прожектора международных усилий по привлечению к ответственности только на ситуации, имеющие место в Африке, если нельзя также поступать и с другими регионами.

Возражениям Африканского союза созвучны словам д-ра Мартина Лютера Кинга-младшего, утверждавшего, что несправедливость где бы то ни было представляет собой угрозу справедливости повсюду. Это так, однако большую заинтересованность со стороны МУС заслуживают люди повсюду, а не только жертвы злодеяний в Африке. Речь идет о весьма разумном доводе. Однако я не могу поддержать упрощенную версию этого возражения, следуя которой можно прийти до того, что даже жертвам злодеяний в Африке должно быть отказано в

возможности пользоваться МУС до тех пор, пока не будет гарантий того, что МУС сможет удовлетворить потребности жертв злодеяний повсюду в мире. Я не могу принять этот довод.

Среди трудностей, которые идут вразрез с вселяющим надежду опытом МУС, необходимо отметить еще одну: воинственный настрой некоторых влиятельных мировых субъектов, которые выступают против Суда и даже угрожают ему уничтожением, поскольку считают его наносящим ущерб их политическим интересам и устремлениям. Как это ни парадоксально, но нападки на МУС со стороны влиятельных государств также символически служат доказательством значимости Суда для человечества. Эти нападки влекут за собой сопротивление, а это свидетельствует о том, что Суд приносит реальную пользу. Это свидетельствует о том, что Суд не может игнорироваться теми, кто может хотя бы распознать некоторую геополитическую заинтересованность в ситуациях, когда делается выбор в пользу оставления ни в чем не повинных жертв беспомощными перед чудовищными преступлениями. Действительно, сам характер мандата МУС предусматривает мобилизацию такого сопротивления как неотъемлемого свойства той тяжелой борьбы, которую после Второй мировой войны постоянно обещали «никогда больше» не допустить.

Все перечисленное выше — это часть важной глобальной и геополитической динамики, которую некоторые весьма обосновано сочли бы создающей значительные препятствия для возможности создания еще одного МУС в нынешних условиях или в будущем. Иными словами, один лишь тот факт, что Международный Суд как орган Организации Объединенных Наций был с легкостью создан после прекращения деятельности Постоянной палаты международного правосудия как органа Лиги Наций, не означает, что новый международный инструмент для замены МУС будет столь же легко создан, если мы позволим последнему развалиться или быть уничтоженным теми, кто предпочитает мир без данного Суда. Однако значительные препятствия для совершения повторного подвига, которым стало создание МУС, сейчас или в обозримом будущем также заставляют нас задуматься о том, насколько удачным был этот подвиг в целом в 1998 году, когда был принят Римский статут. Временные рамки этого процесса не всегда учитываются в достаточной мере, однако они имеют большое значение.

Тот водоворот мировых событий, который создал условия для учреждения МУС в 1998 году, представлял собой период времени, который я часто называю моментом просветления — 1990-е годы. Это был период позитивной динамики и возможностей, редко наблюдавшихся в зачастую деморализующих условиях глобальной геополитики, разыгрываемой в микроклимате Совета Безопасности, работа которого определяется печально известным правом вето и в рамках которого одни из обладателей этого права чаще других, по-видимому, с легкостью готовы и стремятся его использовать, независимо от последствий такого шага для нашей общей цивилизации и всего человечества.

Возможно, самым важным из успехов, достигнутых в этот момент просветления в 1990-е годы, стало принятие Римского статута, на основании которого был учрежден МУС. Примечателен тот факт, что это произошло в тот пятилетний период, когда Совету Безопасности удалось создать два специальных международных уголовных трибунала — по бывшей Югославии в 1993 году и по Руанде в 1994 году, — с тем чтобы привлечь к ответственности соответственно за нарушения, в том числе этнические чистки, совершенные в бывшей Югославии, и за геноцид, совершенный в отношении тутси в Руанде. К знаковым признакам непосредственно предшествующего ему периода относились политика гласности и перестройка, а также сопряженный с ними снос Берлинской стены.

Этот период также был ознаменован отменой режима апартеида в Южной Африке и связанным с этим событием освобождением Нельсона Манделы, отбывавшим пожизненное заключение по политическим мотивам.

Волею судьбы, этого момента просветления в 1990-е годы хватило лишь для того, чтобы наконец в 1998 году создать МУС. Это произошло после длительного периода безнадежных усилий, которые из-за «холодной войны» уже давно казались иллюзорными в ходе предыдущих десятилетий. Возможно, значение этого момента в 1990-е годы будет проще оценить по достоинству, если учесть, что Франция, Россия — тогда еще Союз Советских Социалистических Республик, — Соединенное Королевство и Соединенные Штаты, являющиеся четырьмя из пяти постоянных членов будущего Совета Безопасности, к своей немалой заслуге сумели достичь соглашения о создании международного механизма привлечения к ответственности только еще один раз — это произошло в ходе Лондонской конференции 1945 года в связи с Нюрнбергским процессом, призванным рассмотреть злодеяния, совершенные в Европе во время Второй мировой войны.

За почти полувековой период, разделяющий Нюрнбергский эксперимент 1945 года и создание Советом Безопасности в 1993 и 1994 годах специальных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде в соответствии с мандатом Совета на поддержание международного мира и безопасности, до указанного момента под эгидой Организации Объединенных Наций не было создано ни одного механизма привлечения к ответственности. Тем не менее нельзя всерьез полагать, что в этот промежуточный период в Африке, Латинской Америке, Азии, Европе и других местах не совершалось никаких оскорбляющих сознание человечества злодеяний, которые обуславливали необходимость создания такого механизма привлечения к ответственности. Все это придает особое значение тому моменту просветления в 1990-е годы, когда был создан МУС.

Существует еще один важный аспект, о котором необходимо помнить в связи с той возможностью, которая была использована для создания постоянного Международного уголовного суда непосредственно после создания этих двух специальных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии. Суть этого аспекта заключается в том, что целью и следствием создания МУС на фоне исторического опыта того времени стало стремление избежать ситуации, когда вопросы привлечения к ответственности за совершение серьезных злодеяний становились заложниками ситуативных решений Совета Безопасности, которые могут не быть достигнуты ввиду непредсказуемости геополитики, зачастую тормозящей работу этого органа настолько, что ее можно охарактеризовать как ужасающее бездействие.

Нам известно, что этот момент просветления в 1990-е годы уже давно остался позади, в то время как мир стремительно движется по дороге, полной тягостных испытаний, которые причиняют страдания многочисленным жертвам очевидных злодеяний, оскорбляющих совесть всего человечества. И именно по этой причине сложно упрекать тех, кто может проявлять беспокойство по поводу того, что политические соображения, возникающие в Совете Безопасности, могут не позволить в настоящее время создать новый специальный трибунал в случае совершения серьезных нарушений, которые вызвали бы в памяти призраки Сребреницы или Руанды. Некоторые могут утверждать, что определенные ситуации, с которыми сейчас сталкивается мир, уже заставляют вспомнить об этих призраках. Однако в более широком контексте следует особо подчеркнуть непреходящую ценность МУС, который не должен восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Его ценность должна иметь для нас первостепенное значение. Наше внимание не должен отвлекать тот факт, что Суд не является

совершенным инструментом, даже с точки зрения достижения им своих собственных целей. Это объясняется тем, что человек пока еще никогда не создавал систему, которая была бы совершенной, даже с точки зрения достижения своих собственных целей. Проблема заключается не только в разработке системы, но и в ее фактическом функционировании.

Некоторые государства, которые еще не являются участниками Римского статута, выражают опасения по поводу присоединения к МУС. Они жалуются на то, что структура Суда характеризуется рядом аспектов, которые им не нравятся. Я настоятельно призываю их пересмотреть это возражение. Призывая их к такому пересмотру, я хотел бы привести слова выдающегося исторического деятеля — Джорджа Вашингтона, первого президента Соединенных Штатов. Во время Конвента, который проходил в Филадельфии в целях разработки документа, в настоящее время являющегося Конституцией Соединенных Штатов, 1 июля 1787 года генерал Вашингтон написал своему родственнику Дэвиду Стюарту письмо касательно непростых разногласий, которые в полной мере проявились в работе Конвента. В своем письме Вашингтон, среди прочего, написал следующее:

«Угодить всем невозможно, и попытка сделать это была бы напрасной; поэтому единственный способ... — это сформировать такое правительство, которое выдержит испытующий взгляд критиков, и положиться на здравый смысл и патриотизм народа в том, что касается его проведения в жизнь».

А 24 сентября 1787 года, через неделю после завершения Филадельфийского конвента и принятия Конституции Соединенных Штатов, Вашингтон написал еще одно письмо, на этот раз адресованное трем бывшим губернаторам его штата Вирджиния, призывая их поддержать ратификацию Вирджинией новой Конституции. В этом письме он написал следующее:

«Жаль, что предложенная Конституция не является более совершенной, но я искренне верю, что она представляет собой лучший из возможных на данный момент вариантов, а поскольку в Конституции предусмотрена возможность внесения в дальнейшем поправок, то, на мой взгляд, ее принятие в текущих обстоятельствах, в которых оказался Союз, является целесообразным».

В этих двух письмах самого генерала Вашингтона рассказывается история бурных дискуссий, окружавших новую Конституцию Соединенных Штатов, и приводятся обстоятельства, при которых она была принята в 1787 году. Но эта история и эти обстоятельства могут также иллюстрировать историю принятия договора о создании МУС — Римского статута — и те обстоятельства, при которых последний был принят в 1998 году. Если Конституция Соединенных Штатов могла спровоцировать вызывающие смятение споры, которыми встретили ее существовавшие тогда всего лишь 13 штатов Союза того времени и в ходе которых многие решительно возражали против нее, считая ее недостаточно совершенным документом, то неудивительно, что из 193 стран, входящих в Организацию Объединенных Наций, некоторые могут считать Римский статут несовершенным документом. Однако я хотел бы настоятельно призвать эти государства пересмотреть свои возражения и присоединиться к Римскому статуту, исходя из того осознания, что даже их собственные национальные конституции не могут претендовать на то совершенство, которого они требуют от Римского статута.

Кроме того, нас не должны уводить в сторону вопросы, касающиеся неоспоримой необходимости совершенствовать функционирование созданной человеком системы — системы Римского статута. В этой связи я должен подчеркнуть, что все правовые и судебные системы мира, даже те из них, что

разработаны лучше всего, управляются людьми, и это неизбежно влечет за собой постоянную необходимость в их совершенствовании. В рамках МУС мы эту необходимость прекрасно осознаем. Именно по этой причине ранее в этом году мы добровольно предложили провести обзор всех систем. Этот эксперимент не был навязан нам, Суду, извне. Это мы, руководство Суда, обратились с соответствующей просьбой. И мы распахнули перед ним все двери. Такой обширный обзор был проведен впервые за 18 лет работы Суда. Мы уже получили доклад о его результатах. Хотя сам по себе обзор не был совершенным — поскольку и он был проведен людьми, — мы уверены, что замечания и рекомендации, содержащиеся в докладе, в значительной степени побудят нас двигаться в сторону совершенствования системы, что, как мы знаем, поможет Суду закрепить те позитивные ценности, которые МУС защищает в интересах человечества.

В конечном итоге мораль этой истории заключается в том, что теперь у нас есть инструмент привлечения к ответственности, который дает надежду и который был создан вопреки всем препятствиям, когда представилась редкая возможность сделать это в момент просветления в эпоху 1990-х годов. Мы должны приложить все усилия, чтобы сохранить его и улучшить его работу, потому что если мы его лишимся, то нам не удастся в обозримом будущем обрести его вновь.
